

О ЕДИНОВѢРІИ ВЪ НИЖНЕТАГИЛЬСКОМЪ ЗАВОДѢ И ЕГО ОКРУГѢ.

(продолженіе) (¹).

Главное общество нижнетагильскихъ раскольниковъ, при большой троицкой часовнѣ, въ началѣ 30 годовъ представляется въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Раскольники имѣли у себя все, чѣмъ питается и поддерживается жизнь раскола. У нихъ была великолѣпная троицкая часовня; былъ бѣглый попъ Архипшъ; были капиталы; были надежные руководители—довкіе старшины; были крѣпкіе защитники—должностныя лица, занимавшія видныя и вліятельныя мѣста въ заводскомъ правленіи (²); а главное, кромѣ этой внѣшней

(¹) Смотр. Правосл. Собесѣдн. 1866 г. ч. I. стр. 3—36.

(²) «До 1832 г. управление нижнетагильскими заводами состояло изъ раскольниковъ, отъ которыхъ зависѣло многое, такъ что нельзя было ожидать успѣха къ обращенію. За этимъ можетъ послѣдовать вопросъ: отъ чего могли быть съ начала заводскихъ поселеній раскольники начальниками? Должно думать отъ того, что первые поселенцы-раскольники были люди, умѣвшіе читать и писать, переведенные же впоследствии православные были просто рабочіе

обстановки, было закоренѣлое упорство въ своихъ за-
вѣтныхъ заблужденіяхъ и отчужденіе отъ св. Церкви.

Господствующій духъ отчужденія отъ св. Церкви, которымъ проникнута была вся масса нижнетагильскаго раскола, искони противодѣйствовалъ благотворному вліянію православія. Общественники троицкой часовни не только чуждались всякой попытки соединенія съ Церковію, но даже страшились имени православнаго, церковнаго, которому, по ихъ понятію, угрожала вѣчная погибель. Конечно, духъ отчужденія и упорства въ старинныхъ заблужденіяхъ составляетъ принадлежность, общую всѣмъ раскольникамъ. Но этотъ недугъ въ обществѣ нижнетагильскихъ раскольниковъ развитъ былъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, частію вслѣдствіе историческихъ условій, а частію вслѣдствіе взаимнаго соревнованія, существовавшего между такими сильными большими обществами, каковы нижнетагильское, невьянское и екатеринбургское. Общества эти, поддерживаясь одно другимъ, въ то же время старались превзойти другъ друга въ упорствѣ противленія св. Церкви.

Такъ въ 1831 году, при наступленіи новой эпохи въ судьбѣ нижнетагильскаго раскола, общественники троицкой часовни жаловались невьянскимъ раскольникамъ на ихъ коновода А. Богатырева. Богатыревъ распустилъ слухъ, будто тагильскіе раскольники не крѣпко стоятъ въ своемъ расколѣ и близки къ Церкви.

люди, и первые послѣднимъ до этого времени не давали ходу, а если кто хотѣлъ быть внѣ нужды, тотъ долженъ былъ присоединиться къ нимъ. Взято сіе изъ дѣлъ архива нижнетагильскаго заводоуправленія. Прот. *Пырѣв.* записк. № 160.

Такою молву тагильцы почитали клеветою и писали невьянскимъ раскольникамъ: „Аванасій Ивановичъ Богатыревъ въ теченіе прошлаго и нынѣшняго года учинилъ, къ единственному нашему предобѣжденію (т. е. обидѣ) разглашеніе, что мы и общество наше присоединились къ правиламъ единовѣрческихъ церквей; почему, таковое порицаніе принимая мы съ христіанскимъ терпѣніемъ, предоставили клевету сію праведному суду Божию. Сами же имѣли попеченіе о томъ, чтобы оправдать себя дѣлами и чистотою вѣры“⁽¹⁾. Но фактъ, заявленный Богатыревымъ, существовалъ, не смотря на возгласы тагильскихъ ревнителей старообрядчества. Отдаленное эхо единовѣрія, основаннаго на извѣстныхъ правилахъ митрополита Платона, уже касалось слуха ,нижнетагильскихъ раскольниковъ, накрѣпко замкнутыхъ въ обществѣ троицкой часовни.

Въ нижнетагильскомъ обществѣ раскольниковъ уже было заброшено первое зерно единовѣрія; но оно впоследствии заглохло, какъ въ густомъ терніи. Такъ пенсіонный приказчикъ Василій Густомѣсовъ, имѣвшій собственную свою часовню, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ невьянскимъ единовѣрцемъ Ѳеодоромъ А. Малыгановымъ, родственникомъ извѣстнаго купца Якова Филипповича Толстикова, основателя единовѣрія въ г.

⁽¹⁾ Копія съ этого документа въ арх. протоіер. *Пырѣв.* подъ № 200. Тутъ въ заключеніе тагильцы представляютъ прежнее свое ходатайство въ 1821 г. предъ правительствомъ о бѣгломъ священствѣ, какъ доказательство своей твердости въ вѣрѣ, а о Богатыревѣ отзываются, какъ человѣкъ только лукавомъ: «г. Богатыревъ считаетъ для себя легче и удобнѣе располагать своими мнѣніями и порицаніями здѣсь, нежели быть предъ лицомъ верховнаго правительства, гдѣ требуется со всѣмъ другія способности».

Екатеринбургъ. Слѣдствіемъ этого дружества съ Малгановымъ было то, что Густомѣсовъ за долго до 1832 г. принялъ единовѣріе, почитался прихожаниномъ единовѣрческой церкви Толстикова въ Екатеринбургѣ и былъ единственнымъ ея представителемъ въ Нижнетагильскѣ, гдѣ единовѣріе было вовсе неизвѣстно. Этотъ начитанный и умный единовѣрецъ Густомѣсовъ, бывшій въ знакомствѣ съ преосвященнымъ Аркадіемъ и миссіонеромъ Оглоблинымъ, въ началѣ оказалъ самое благотворное вліяніе на умы приближенныхъ къ нему раскольниковъ. Онъ своими внушеніями многихъ предрасположилъ къ принятію единовѣрія, въ дѣлахъ котораго принималъ дѣятельное участіе. Судя по вліянію Густомѣсова на раскольниковъ, принимая во вниманіе его ревностное участіе въ открытіи единовѣрія, можно было бы ожидать отъ него многого для св. Церкви. Но, къ сожалѣнію, Густомѣсовъ въ послѣдствіи такъ былъ разстроенъ старшинами троицкой часовни, что умеръ раскольникомъ и даже велъ полемическую переписку о Церкви съ преосвящ. Аркадіемъ. Такая переписка Густомѣсова имѣла на начатки единовѣрія самое неблагопріятное вліяніе. Чтобы расчистить почву, лежавшую въ глуши раскольническихъ заблужденій, чтобы воздѣлать ее для принятія спасительнаго единовѣрія, еще не извѣстнаго, незнакомаго нижнетагильскимъ раскольникамъ, нужны были мѣры дѣятельныя и мудрыя. И вотъ Господь Богъ, сильный крѣпостію (Суд. 6, 12), хотящій, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины (1 Тим. 2, 4), указалъ мѣры, даровалъ средства и явилъ дѣятелей къ насажденію единовѣрія не

только въ самомъ нижнетагильскомъ заводѣ, но и во-
всемъ его обширномъ округѣ.

Главными дѣятелями, открывшими единоовѣріе въ
нижнетагильскомъ заводѣ, явились въ 1831 г. преосвя-
щеннѣйшій Аркадій, архієпископъ пермскій (нынѣ оло-
нецкій), миссіонеръ протоіерей Авраамій Оглоблинъ,
мѣстное заводское начальство, по преимуществу упра-
вляющій Димитрій Васильевичъ Бѣловъ и мѣстное
духовенство (').

Нельзя отрицать того, чтобы, прежде этого вре-
мени, мѣстное духовенство не заботилось о обращеніи
раскольниковъ посредствомъ единственнаго своего ору-
дія—увѣщаній. Но эти усилія духовенства не имѣли
такой поддержки со стороны начальства, такихъ со-
трудниковъ изъ самой массы раскола, съ какими яви-
лась миссія. Такъ „до 1829 г. употребляемы были мѣ-
ры обращенія чрезъ увѣщанія только священниковъ;
духъ раскольниковъ мѣстному заводскому начальству
былъ не извѣстенъ. Ихъ ученіе требовало изученія для
опроверженія ихъ заблужденій“ ('). Но вотъ явился
преосвященнѣйшій Аркадій, ознакомился съ мѣстностію,
населенною раскольниками, нашелъ мудрыхъ сотрудни-
ковъ въ заводскомъ начальствѣ, направилъ миссію и
путемъ благовременныхъ не ослабныхъ усилій проник-
нулъ въ самое сердце нижнетагильскаго раскола—въ
большое общество, принадлежавшее троицкой часовнѣ.

(') Эти главные дѣтели имѣли не мало достойныхъ сотрудни-
ковъ, заслуги которыхъ для св. Церкви также достойны почтения и
памяти потомства. Но о нихъ исторія нижнетагильскаго единоовѣрія
скажетъ въ своемъ мѣстѣ.

(') Прот. Пырьев. записк. № 141.

„Съ поступленіемъ архіепископа пермскаго Аркадія, ко благо миссії, сдѣлались важныя измѣненія его посѣщеніями, наблюденіями и ученіемъ о вѣрѣ“⁽¹⁾, писали безпристрастные современники.

По нижнетагильскимъ заводамъ употребляемы были слѣдующія мѣры къ пресѣченію раскола.

Въ началѣ собирали раскольниковъ въ праздничные дни въ часовняхъ и конторахъ и тамъ при управляющемъ заводами (Д. В. Бѣловѣ) миссіонеръ увѣщевалъ ихъ и доказывалъ имъ истину; сначала они отъ всѣхъ доказательствъ отдѣлывались однимъ упорнымъ молчаніемъ; потомъ многіе стали входить въ разговоры съ миссіонеромъ и предлагать уже свои сомнѣнія на его обсужденіе съ требованіемъ и доказательствъ изъ свящ. Писанія. Далѣе давали знать по всѣмъ заводамъ и читали публично правила митрополита Платона и указъ Его Императорскаго Величества объ учрежденіи неизмѣнности обрядовъ единовѣрческихъ церквей, а съ тѣмъ вмѣстѣ разсылали и подписки на присоединеніе къ св. Церкви (съ высказаннымъ въ нихъ условіемъ, для подписчиковъ, что всѣ уставы по старопечатнымъ книгамъ будутъ соблюдаемы священниками). Неоднократно объявляли резолюцію Его Императорскаго Величества, сдѣланную на просьбу московскихъ старообрядцевъ о безнадежности имѣть имъ впредь бѣглыхъ священниковъ. А потому уговаривали ихъ не слушать тѣхъ людей, которые обѣщаютъ быть ихъ ходатаями и увѣряютъ, что Государь Императоръ

⁽¹⁾ Прот. Пырьев. записк. № 142. Изъ архива нижнетагильскаго заводоуправленія.

разрѣшить имъ по прежнему самовольничать. Вслѣдъ затѣмъ разсылались для чтенія, при собраніи раскольниковъ, разныя сочиненія, присланныя архіепископомъ пермскимъ Аркадіемъ, въ которыхъ, по ссылкамъ на древнѣйшія книги, доказывались истины Церкви и опровергались заблужденія раскольниковъ. Служащихъ при заводахъ, по распорядительной части, изъ раскольниковъ смѣняли и опредѣляли на ихъ мѣста православныхъ, которые, разумѣется, не вредили вліянію миссіи, будучи чужды интересовъ раскола. Уничтожали прожваніе лжемонаховъ и лжемонахинь въ лѣсахъ и строго преслѣдовали ихъ бродяжничество по селеніямъ. Сверхъ этого миссіонеры часто посѣщали заводы и при управляющемъ (Бѣловѣ) дѣлали увѣщанія и совершали чтеніе разныхъ сочененій по этому предмету.

Въ соединеніи съ этими внѣшними мѣрами, имѣвшими цѣлю ослабленіе раскола, были и внутреннія причины, предрасположившія нѣкоторыхъ изъ общества троицкой часовни къ принятію единовѣрія. Тѣ же самыя причины, которыя довели расколъ до цвѣтущаго состоянія, — теперь, при другихъ обстоятельствахъ, сдѣлались причинами, наклонявшими народъ къ единовѣрію. Такъ, огромный приходъ раскольниковъ, служившій источникомъ къ приобрѣтенію капиталовъ, теперь сталъ обременительнымъ для престарѣлаго попа Архиппа. Архиппъ съ трудомъ могъ исполнять всѣ требы даже только въ одной часовнѣ, не имѣя времени и силъ быть въ домахъ раскольниковъ. Отъ этого происходили остановки въ требоисправленіяхъ и вели къ неудовольствіямъ. Раскольники чувствовали настоящую нуж-

ду въ другомъ священникѣ, но правительство отказало уже въ томъ навсегда. Бѣглопоповцы не могли еще сродниться съ мыслию стать въ уровень съ безоповщиною.

Съ другой стороны, въ большое общество троицкой часовни проникъ духъ несогласія. Предводители троицкихъ раскольниковъ, старшины, распорядились въ обществѣ, можно сказать, деспотически. Они замѣчали, что старанія миссіи начинали оказывать благотворное вліяніе на убѣжденія болѣе прямодушныхъ и просвѣщенныхъ раскольниковъ, и потому спѣшили принимать свои мѣры. Старшины успокоивали народъ обѣщаніями выхлопотать у правительства дозволеніе снова имѣть бѣглыхъ поповъ. Но благомыслящіе изъ раскольниковъ смотрѣли на это недовѣрчиво и начинали поговаривать о священствѣ единовѣрческомъ. Миссія трудилась неутомимо и успѣла уже посѣять въ благомыслящихъ духъ примиренія съ Церковію на правилахъ единовѣрія. Слѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторые изъ благомыслящихъ раскольниковъ свободно говорили о единовѣрческомъ священствѣ и даже хвалили его. Для старшинъ это было невыносимо. Они не медлили тогда употреблять извѣстныя мѣры строгости, нѣкогда страшныя для истаго раскольника, а теперь благоприятныя для единовѣрія. Старшины съ презрѣніемъ смотрѣли на тѣхъ, которые здраво судили о единовѣрій, осыпали ихъ насмѣшками, злословили и выгоняли ихъ изъ троицкой часовни, преграждая имъ путь къ бѣглому попу. Слѣдствіемъ этого самоуправства было то, что старшины возбуждали противъ себя неудоволь-

ствія, которыя потомъ переходили въ открытую ненависть и вражду. Такимъ образомъ выродилась партія недовольныхъ, непріязненная старшинамъ. Въ этой партіи были люди сильные, вліятельные. Съ нѣкоторыми изъ нихъ успѣлъ уже познакомиться миссіонеръ Оглоблинъ.

Первыя мѣста въ этой партіи благомыслящихъ, наклонныхъ къ единовѣрью, изъ троицкихъ раскольниковъ, заняли: Яковъ Ав. Морозовъ, Ома Полеговъ, Иванъ Бажановъ, Стефанъ Корниловъ и Евѣмилъ Ушковъ, имѣвшіе, каждый у себя, приверженцевъ-единомысленниковъ. Рѣшившись отдѣлиться отъ самоуправнаго общества троицкой часовни, Морозовъ съ товарищами обратился за совѣтомъ къ миссіонеру Оглоблину и выразилъ свое желаніе — принять-единовѣрскаго священника. Отъ 11 января 1832 г. миссіонеръ Оглоблинъ писалъ (¹) письмо Морозову и его товарищамъ Ушкову и Корнилову, убѣждая и ободряя ихъ „не медлить предпринятымъ дѣломъ“. Въ этомъ письмѣ между прочимъ онъ совѣтовалъ имъ посѣтить свиданіемъ съ православнымъ священникомъ Димитріемъ Козельскимъ, котораго и рекомендовалъ какъ чловѣка достойнаго.

Но лишь только раскольники узнали, что въ ихъ обществѣ появились люди съ рѣшительнымъ намѣреніемъ принять единовѣріе, немедленно начали стараться о томъ, чтобы подавить это первое движеніе къ соединенію съ Церковію. Для достиженія этой цѣли старшины отлучили отъ своего общества наклонныхъ къ

(¹) Прот. Пырѣв. записк. № 1.

единовѣрію, воспретили входъ въ часовню не только имъ, но и семействамъ ихъ, не дозволяя своему бѣглому попу Архиппу исполнять у нихъ требы. Мало того; поборники раскола стали распускать въ народѣ вредные слухи, что единовѣріе есть только ловушка для приманки простаковъ къ Церкви. Но миссія не замедлила явиться на помощь къ новому обществу благомыслящихъ, желавшихъ принять единовѣріе. Миссіонеръ Оглоблинъ донесъ преосвященному Аркадію обо всемъ. Слѣдствіемъ этого донесенія было то, что, по сношенію преосвященнаго съ гражданскимъ губернаторомъ, главный начальникъ горныхъ заводовъ⁽¹⁾ предписалъ (отъ 12 апрѣля 1832 г.) исправнику нижнетагильскому „отклонять раскольническихъ старшинъ отъ противозаконныхъ дѣйствій ихъ во вредъ миссіи“. Для руководства на будущее время, въ этомъ предписаніи указано было на шестой пунктъ Высочайшаго повелѣнія по поводу составленія миссіи въ пермской епархіи, гдѣ изображено: „въ тожь время (при подобныхъ случаяхъ) со стороны гражданского начальства нужно будетъ внимательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы отъ сильныхъ и упорныхъ раскольниковъ не было прочимъ поставляемо преградъ ко вступленію въ сношенія съ присланнымъ священникомъ“.

Ободряемые участіемъ и поддержкою со стороны начальства, наклонные къ единовѣрію заявили свое согласіе на принятіе священника уже открыто. Апрѣля 6 числа 1832 г. повѣренные ихъ Иванъ Бажановъ,

(1) Прот. Пырѣв. записк. № 35.

Яковъ Морозовъ и Евѣимъ Ушковъ подали прошеніе въ мѣстную главную контору объ устройствѣ въ Нижнетагильскѣ единовѣрческой церкви. Въ то же время они уведомили контору, что до построения церкви будутъ отправлять свое богослуженіе въ часовнѣ, уступленной имъ Густомѣсовымъ.

Вскорѣ послѣ этого (именно 30 мая) всѣмъ обществомъ склонныхъ къ единовѣрію подано было прошеніе въ нижнетагильскую контору уже и о томъ, чтобы заводоуправленіе испросило у духовнаго начальства священника, по ихъ избранію, на правилахъ митрополита Платона. Въ этомъ прошеніи, между прочимъ, они такъ ясно высказали настоятельную нужду въ священникѣ, что вполнѣ обнаружили непрочное состояніе всего раскола, подвергавшагося тогда опасности остаться безъ священства. „Какъ въ нижнетагильскомъ заводѣ, писали они, такъ и въ осьми окрестныхъ заводахъ гг. Демидовыхъ значительную часть жителей составляютъ нашего поповщинскаго согласія старообрядцы, коихъ число обоого пола съ малолѣтними простирается до 15 тысячъ. А находящійся у насъ священникъ Архиппъ Семеновъ (самоотлучившійся отъ своего архипастыря), будучи старъ, дряхлъ и подверженъ частовременнымъ припадкамъ болѣзненнымъ, становится уже не въ силахъ исправлять у насъ и самонужнѣйшія требы“ (1). Съ тѣмъ вмѣстѣ они просили заводоуправленіе ходатайствовать предъ владѣльцами о положеніи священнику съ причтомъ приличнаго содержанія. Между прочимъ

(1) Прот. Пырѣв. записк. № 3.

просители высказали, что въ обществѣ раскольниковъ появилось уже не малое число такихъ, которые желаютъ священника единовѣрческаго, но не рѣшились подписаться подъ просьбою изъ опасенія старшинъ. Прощеніе это, вождствіе котораго поступилъ въ нижнетагильскій заводъ первый единовѣрческій священникъ, было за подписомъ 16 человекъ.

Заводууправленіе приняло просьбу эту съ живѣйшимъ участіемъ и довело до свѣденія преосвященнаго Аркадія. Обрадованный архипастырь въ октябрѣ того же 1832 г. увѣдомилъ о своемъ согласіи послать въ нижнетагильскій заводъ священника, и, по желанію просителей, именно Димитрія Козельскаго (*).

Но неутомимые старшины троицкіе зорко слѣдили за каждыиъ шагомъ возникающаго общества единовѣрцевъ. Попечители троицкой часовни видѣли, что намѣренія этого малочисленнаго, но единодушнаго, общества клонятся прямо къ подрыву раскола, и потому спѣшили поскорѣе удалить единовѣрцевъ отъ общаго богомолья въ часовнѣ. Посему, въ видахъ совершеннаго отдѣленія, чтобы покрѣпче запугать единовѣрцевъ, старшины Савва Красильниковъ, Федотъ Ушаковъ, Василій Щербининъ и Петръ Чеусовъ, чрезъ повѣстку, собрали въ часовню множество раскольниковъ. Здѣсь они составили общее прошеніе отъ лица всѣхъ нижнетагильскихъ раскольниковъ (12,000 ч.) и за подписомъ ста человекъ хотѣли подать его въ главную контору нижне-

(*) Въ семействахъ означенныхъ просителей было тогда муж. 42, женск. 37, а обоего пола 79 ч.

тагильскихъ заводовъ. Въ прошеніи ихъ заключалась жалоба на единовѣрцевъ, которые, вступая въ общеніе съ Церковію, продолжаютъ тревожить ихъ своими посѣщеніями во время общественнаго богослуженія. Поэтому общество троицкой часовни просило заводоуправленіе возбранить единовѣрцамъ входъ въ часовню, угрожая въ противномъ случаѣ „поколебаніемъ тишины между ними (12,000) и спокойствія“ ('). Но единовѣрцы со своей стороны не замедлили предупредить управляющихъ объявленіемъ, указывая на противозаконныя окопища раскольниковъ, дѣйствующихъ во вредъ миссіи, и просили означенное прошеніе часовеннаго общества уничтожить, какъ бумагу, составленную ко вреду новаго благословеннаго общества и къ разстройству содержателя малой часовни Густомѣсова.

Дѣйствительно, Густомѣсовъ былъ уже разстроены старшинами такъ сильно, что даже самъ оставилъ единовѣріе, возвратился въ расколъ и отказалъ единовѣрцамъ отъ своей часовни, которую сначала отдавалъ добровольно. Это обстоятельство произвело тяжелое впечатлѣніе на новыхъ единовѣрцевъ и могло бы имѣть самое гибельное вліяніе на успѣхъ миссіи. Малое общество единовѣрцевъ, отдѣлившись отъ троицкой часовни, собиралось по временамъ въ Густомѣсовскую часовню на богомолье. Поддерживаемые Густомѣсовымъ, имѣя въ виду его часовню, какъ единственное мѣсто для своихъ общественныхъ богомолій, единовѣрцы менѣе чувствовали свою потерю троицкой часовни. Но, лишив-

(') Прот. Пырьевъ. записк. № 34.

пись этой часовни, какъ единственнаго пристанища, они почувствовали свое одиночество и стали упадать духомъ. Подъ вліяніемъ этого неблагоприятнаго обстоятельства одинъ изъ единовѣрцевъ, Стефанъ Корниловъ, отъ 2 января 1833 г. писалъ письмо къ бывшему своему другу Густомѣсову. Въ письмѣ этомъ онъ именемъ прежней любви просилъ Густомѣсова, чтобы допустилъ въ часовню, на общее моленіе, въ праздникъ богоявленія, по крайней мѣрѣ семейныхъ его (Корнилова). Въ подкрѣпленіе своей просьбы Корниловъ указывалъ на любовь христіанскую и на то, что Густомѣсовъ первый открылъ путь къ единовѣрію, сподобившись быть „въ объятіяхъ церкви спасенія“ (толстиковой, въ Екатеринбургѣ) и называлъ его наставникомъ своимъ и учителемъ ⁽¹⁾. Но Густомѣсовъ рѣшительно отказалъ своему другу Корнилову, ссылаясь на то, что не можетъ исполнить просьбы его безъ общаго согласія общественниковъ троицкой часовни.

Тогда все уже общество единовѣрцевъ обратилось къ заводууправленію съ жалобою на Густомѣсова, прося отобрать отъ него часовню со всею принадлежащею къ ней утварью, въ силу даннаго Густомѣсовымъ обѣщанія оставить часовню за единовѣрцами. Тутъ же, въ прошеніи своемъ, единовѣрцы высказали, что единомысленный съ ними Густомѣсовъ трудами своими и ревностію наиболѣе всѣхъ открывшій путь къ единовѣрію, по разстройству старшинъ (Ушакова, Красильникова,

(1) Корниловъ говоритъ, что у него не было бы и желанія принять единовѣріе, если бы не было прежде примѣра отъ Густомѣсова. Прот. Пырѣв. записк. № 7.

Щербинина и Чеусова) отпалъ отъ единовѣрія, и тѣмъ поколебаль новое общество единовѣрцевъ (¹). Нынѣ, смотря на его (Густомѣсова) примѣръ, имѣвшіе прежде святую ревность о священникѣ и церкви, стали ослабѣвать. Такъ жаловались на Густомѣсова единовѣрцы, тѣснимые происками раскольниковъ, старавшихся разбить новое общество и въ самомъ началѣ подавить единовѣріе.

Но среди этихъ искушеній, которыми Господь испытываль чистоту и твердость юнаго общества единовѣрцевъ, они были обрадованы и подкрѣплены благоволеніемъ гг. заводовладѣльцевъ Павла и Анатоля Николаевичей Демидовыхъ. Добрые заводовладѣльцы, по ходатайству управляющихъ своихъ, разрѣшили (²) построить единовѣрческую церковь, обезпечивая ее всѣмъ необходимымъ для богослуженія и назначивъ содержаніе священнику съ причтомъ.

Отъ 4 февраля 1833 г. послѣдовалъ на имя миссіонера Оглоблина, указъ пермской духовной консисторіи съ опредѣленіемъ къ единовѣрцамъ нижнетагильскимъ священника (изъ Новоюрмыцкаго села, камышловскаго уѣзда) Дмитрія Козельскаго,—того самаго, котораго они избрали.

Вслѣдствіе этого благовременнаго распоряженія духовнаго начальства, священникъ Козельскій отправился для обученія единовѣрческому священнослуженію въ

(¹) Прог. *Пырвев.* записк. № 10.

(²) Отъ 22 декабря 1832 года. Это разрѣшеніе владѣльцевъ на постройку церкви объявлено 11 января 1833 года.

спасскую (*) церковь (Толстикова, что въ г. Екатеринбургѣ) при повѣренныхъ нижнетагильскаго благословеннаго общества Бажановѣ и Никитинѣ. Окончивъ свое приготовленіе въ спасской церкви и получивъ изъ оной нужное количество мвра и запасныхъ св. даровъ, о. Димитрій, къ неописанной радости своихъ новыхъ прихожанъ, явился въ нижнетагильскій заводъ и вступилъ во владѣніе Густомѣсовскою часовнею, которая была передана ему заводоуправленіемъ, вслѣдствіе ходатайства со стороны консисторіи.

Хотя препятствія къ развитію единовѣрія, поставленныя предводителями раскола, не только не уменьшались, даже усиливались, но съ водвореніемъ (въ 1833 г.) священника Козельскаго въ Тагилѣ общество единовѣрцевъ стало на прочномъ основаніи. Предъ единовѣрцами открывался теперь прямой путь къ соединенію съ св. Церковію. Опасенія, возбуждаемыя мнительностію во имя старой вѣры, должны были уступать мѣсто довѣрію къ благословенному священству. У нихъ былъ священникъ, законно поставленный, были старые обряды, изъ-за которыхъ чуждались они св. Церкви, была своя часовня, Густомѣсовская, были книги и прочая принадлежность, необходимая для отправленія богослуженія. вмѣсто безпорядковъ, возбуждаемыхъ въ расколѣ личностями и раздоромъ партій, вмѣсто деспотизма старшинъ, общество единовѣрцевъ видѣло у себя законный порядокъ и міръ, обеспеченные покровитель-

(*) Въ эту церковь священникъ Козельскій отправился для обученія вслѣдствіе указа консисторіи (отъ 4 февр.), объявленнаго ему чрезъ миссіонера Оглоблина.

ствою законовъ и начальства. Съ появленіемъ законнаго священника въ Нижнетагильскѣ началось, съ одной стороны, рѣшительное движеніе къ развитію единовѣрія, а съ другой—упорное сопротивленіе этому раскола, начавшаго опасаться за свою будущую судьбу.

При открытіи и успѣхахъ миссіи въ пермской епархіи, раскольники всѣхъ уѣздовъ отъ лица 46,038 человекъ подали прошеніе на Высочайшее имя, жалуюсь, разумѣется, на мнимыя стѣненія отъ начальства. Прошеніе было за подписомъ 545 человекъ, довѣренныхъ отъ всѣхъ обществъ. Въ числѣ этихъ довѣренныхъ были и тагильскіе раскольники. Но участіе троцкихъ старшинъ въ этомъ прошеніи вызвало горячее противодѣйствіе со стороны нижнетагильскихъ единовѣрцевъ. Одинъ изъ нихъ, Евѣимъ Ушковъ, отъ 28 сентября 1833 г. подалъ просительное письмо на Высочайшее имя съ возраженіемъ на прошеніе раскольниковъ пермской епархіи. Въ письмѣ этомъ ясно уже выражался духъ новыхъ единовѣрцевъ и пониманіе ими единовѣрія, питающаго не отчужденіе, но примиреніе съ Церковію. Ушковъ упомянулъ въ своемъ (¹) письмѣ, что нижнетагильскіе единовѣрцы вмѣстѣ съ своимъ благословеннымъ священникомъ за Его Императорское Величество приносятъ Господу Богу молитвы въ своемъ маломъ молитвенномъ храмѣ (въ густомѣсовской часовнѣ). На это письмо послѣдовало утѣшительное для единовѣрцевъ выраженіе Высочайшаго покровительства ихъ обществу. Въ 4 день января 1834 г. состоялось

(¹) Прот. Пырѣв. записк. № 12.

Высочайшее повелѣніе—оставить просьбу раскольниковъ безъ вниманія, а Ушкову съ его обществомъ объявить покровительство и защиту законовъ (¹), дѣйствующихъ черезъ мѣстныя начальства.

Ободряемые и поддерживаемые начальствомъ, въ борьбѣ съ раскольниками, единовѣрцы нижнетагильскіе вскорѣ увидѣли надъ собою и ясное знаменіе благословенія Божія. Октября 11 ч. 1833 г. послѣдовалъ указъ изъ пермской духовной консисторіи, на имя священника Димитрія Козельскаго, съ разрѣшеніемъ отъ свят. синода на устройство единовѣрческой церкви въ нижнетагильскомъ заводѣ во имя святителя и чудотворца Николая. При этомъ указѣ приложены были планъ и фасадъ новой церкви и прислана грамота на ея заложеніе. При дѣятельномъ участіи заводоуправленія, въ устройствѣ единовѣрческаго прихода въ Нижнетагильскѣ, новый храмъ основанъ 22 октября 1833 года.

Заложеніе этого храма наносило новый ударъ расколу, и въ то же время полагало прочное основаніе единовѣрцію, которое, кромѣ нижнетагильскаго завода, проникло уже и въ окрестности. Старанія миссіи и примѣръ нижнетагильцевъ благотворно подѣйствовали и на другія общества раскольниковъ, бывшія въ связи съ главнымъ обществомъ троицкой часовни. Тетрадь, составленная для подписчиковъ къ единовѣрцію 6 октября

(¹) Въ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 лив. 1834 г. на имя пермскаго гражданскаго губернатора велѣно объявить Высочайшее повелѣніе на просьбу раскольниковъ, что она, какъ составленная скопомъ и заговоромъ отъ 45,038 человекъ за подписомъ 545 человекъ, противозаконна и оставляется безъ производства слѣдствія только по снисхожденію къ неразумію ихъ. Прот. Пырѣев. записк. № 16.

1832 г. и скрѣпленная рукою Василья Густомѣсова, исподволь наполнялась подписчиками новыми, которые, оставляя расколъ, вступали въ общество единовѣрцевъ никольской церкви.

Построеніе новой церкви происходило быстро. На скорѣйшее окончаніе ея заводоуправленіе не жалѣло денегъ. Апрѣля 26 числа 1834 г. освященъ новый храмъ, первый единовѣрческій, во имя святителя и чудотворца Николая,—храмъ, судьбами Промысла предназначенный къ примиренію съ Церковію новыхъ чадъ, дотолѣ знавшихъ одну часовню густомѣсовскую. Утварь и книги богослужебныя изъ этой часовни были перенесены въ николевскую церковь (¹), гдѣ открыто священнослуженіе полное, радующее сердца старообрядцевъ; а самая часовня густомѣсовская осталась запечатанною и уже не была возвращена тому обществу раскольниковъ, къ которому принадлежалъ Густомѣсовъ (²).

(¹) По этому случаю В. Густомѣсовъ писалъ письмо Якову Морозову такого содержанія: «если вы, М. Государь, не позабыли свое дружеское обѣщаніе объ отдачѣ ко мнѣ имѣющагося у васъ въ церкви священническаго пояса (изъ часовни), то я, напоминая о семъ вамъ, М. Г., покорно прошу какъ оный, а равно и печать для благодарныхъ хлѣбовъ, и еще захваченный Степаномъ Корниловымъ образъ Юанна богослова ко мнѣ возвратить и тѣмъ сохранить наше съ вами дружество». Такъ Корниловъ платилъ Густомѣсову за отказъ его—принять въ часовню на общее богомолье въ праздникъ богоявленія семейство Корнилова въ 1833 году. Пр. *Пырѣв.* зап. № 20.

(²) Впослѣдствіи (1836 г.) часовня густомѣсовская перенесена на раскольниковское кладбище, общее съ единовѣрцами, и предназначена къ преобразованію въ кладбищенскую единовѣрческую церковь, для чего пристроена къ ней колокольня и въ ней самой устроенъ благолѣпный иконостасъ. Часовня эта распечатана была и почислена за единовѣрцами въ 1835 г. по указу пермской д. консисторіи, состоявшемуся вслѣдствіе присоединенія сына Василья Густомѣсова съ семействомъ къ единовѣрцію и пожертвованія оной въ пользу своего общества при николаевской церкви.

Но прежде нежели была воздвигнута и освящена николаевская церковь, единовѣрцы должны были испытать сильное искушеніе, со стороны раскольниковъ, которые неутомимо старались ослабить расположеніе благомыслящихъ, склонныхъ къ принятію единовѣрія.

Вскорѣ, по закладкѣ церкви, раскольники, или, вѣрнѣе, предводители ихъ, скопомъ собрали въ троицкую часовню множество единомысленниковъ своихъ и подписали жалобу на единовѣрцевъ, прося защиты у заводоуправленія. Поводомъ къ этой жалобѣ послужили придуманныя старшинами клеветы, „будто бы изъ среды единовѣрцевъ нѣкоторые производили буйственные поступки и произносили оскорбительные ругательства въ раскольниковъ въ квартирѣ ихъ бѣлаго попа Архиппа“. Въ подобномъ смыслѣ, при вторичномъ собраніи раскольниковъ въ троицкой часовнѣ, составлена новая жалоба, на имя заводовладѣльцевъ, на мнимые пасквильные поступки единовѣрцевъ, нападающихъ на общество раскольниковъ. Въ этой же бумагѣ раскольники жаловались заводовладѣльцу Павлу Николаевичу Демидову и на заводское нижнетагильское начальство, которое будто бы принуждаетъ ихъ къ принятію единовѣрія. Нижнетагильское заводоуправленіе неоднократно дѣлало значительныя собранія раскольниковъ и предлагало имъ — присоединиться къ св. Церкви на правилахъ единовѣрія. Желая ободрить тѣхъ изъ благомыслящихъ раскольниковъ, которые, будучи склонны къ единовѣрцію, колебались однако оставить расколь, страха ради старшихъ часовенныхъ, въ 1833. г.

управляющій Бѣловъ сдѣлалъ ко всѣмъ раскольникамъ такое воззваніе ('): „Главная контора, нижнетагильскихъ заводовъ, извѣстившись, что изъ старообрядцевъ, живущихъ въ оныхъ заводахъ, многіе желаютъ имѣть священника на правилахъ, покойнымъ преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ Платономъ изложенныхъ, не только таковое ихъ желаніе одобряетъ, но и общается со своей стороны всемѣрно споспѣшествовать имъ въ семъ дѣлѣ. Главная контора требуетъ только, чтобы всѣ таковыя желаніе свое прямо и откровенно изъявили ей бумагою“. На это-то воззваніе, равно какъ и на собранія для увѣщаній, враги единовѣрія указывали въ своемъ прошеніи заводовладѣльцу г. Демидову, называя дѣйствія заводоуправленія для себя крайне стѣснительными. Но цѣль этой жалобы состояла въ томъ, чтобы подкрѣпить расколъ, очернить единовѣрцевъ предъ своимъ обществомъ, ослабить благоую дѣятельность заводоуправленія на пользу миссіи, а чрезъ то замедлить построеніе церкви никольской и въ обществѣ раскольниковъ возжечь сильнѣйшую ненависть къ единовѣрцамъ. Составивъ жалобу на мнимыя оскорбленія единовѣрцевъ и вымышленныя притѣсненія заводоуправленія, раскольники послали съ нею въ Петербургъ къ Павлу Николаевичу Демидову своихъ повѣренныхъ Германова и Галактіонова.

Но лишь только единовѣрцы провѣдали объ отъѣздѣ Германова въ Петербургъ, немедленно заявили со своей стороны ревностное противодѣйствіе незакон-

(') Прог. *Пирьев.* записк. № 14.

нымъ дѣйствіямъ раскольниковъ. Января 3 ч. 1834 г. отъ общества единовѣрцевъ поступило прошеніе въ нижнетагильскую главную контору о томъ, чтобы „обслѣдовать затѣи раскольниковъ и, по открытіи таковыхъ противозаконныхъ происковъ, зачинщиковъ предать суду“. Съ тѣмъ вмѣстѣ единовѣрцы просили контору опровергнуть предъ заводовладѣльцами неосновательную бумагу раскольниковъ, приготовленную на имя Павла Николаевича Демидова, имѣющую „цѣлію марать изъ среды общества единовѣрцевъ невинныхъ людей“. Вслѣдствіе этого прошенія единовѣрцевъ, по возвращеніи Германова и Галактіонова изъ Петербурга, немедленно былъ разосланъ по всѣмъ заводамъ ордеръ нижнетагильской конторы съ предписаніемъ обнаруживать его предъ раскольниками. Въ этомъ ордерѣ торжественно обнаружены происки раскольниковъ, основательно опровергнуты ихъ клеветы и внушено „не вѣрить ложнымъ слухамъ (распускаемымъ Галактіоновымъ и Германовымъ на счетъ мнимаго благоволенія заводовладѣльцевъ) и почитать эти слухи „уловкою вторично выманить у простодушныхъ собратьевъ своихъ деньги на какія нибудь новыя несбыточные предпріятія, могущія наконецъ причинить разстройство дателямъ ихъ“.

Обрадованные единовѣрцы спѣшили письмомъ благодарить нижнетагильскихъ управляющихъ какъ за построеніе церкви „во имя святителя Христова Николы, мурликійскаго чудотворца“, такъ и за то, что управляющіе благоразумно обратили вниманіе свое на лезть, униженіе и коварство Германова, который, собравъ всего большаго троицкаго общества умы на бумагу, доста-

виль оную къ его превосходительству П. Н. Демидову, дабы тѣмъ всѣять въ сердце его превосходительства на насъ единовѣрцевъ гнѣвъ и лишить насъ всѣхъ средствъ къ построению церкви Божіей“ (').

Затѣмъ ордеръ нижнетагильскаго заводууправленія въ копіи былъ представленъ преосвященному Евлампію екатеринбургскому, а, по его совѣту, въ подлинникѣ препровожденъ къ заводовладѣльцу П. Н. Демидову.

Въ то время преосвященный Евлампій послалъ Якову Морозову и Ѳомѣ Полегову, съ ихъ благословеннымъ обществомъ, утѣшительное посланіе. Единовѣрцы жаловались владыкѣ, что къ разстройству ихъ общества раскольники распускаютъ вредные слухи, а ихъ бѣглый попъ Архиппъ простираетъ свои права за предѣлы своего прихода ('). Преосвященный Евлампій утѣшалъ единовѣрцевъ тѣмъ, что онъ, для ограниченія дѣйствій Архиппа, вошелъ въ сношеніе съ главнымъ начальникомъ уральскаго хребта.

Видя неудачу своихъ попытокъ къ разстройству начальства заводскаго, противъ единовѣрцевъ, раскольническіе старшины тѣмъ сильнѣе стали дѣйствовать и явно и тайно—на умы своихъ единомысленниковъ. Они начали распускать „между простодушными своими собратами ложные слухи: будто бы единовѣрческія церкви устроятся единственно только для ихъ привлеченія, а когда они къ онымъ присоединятся, то будто-

(') Прог. *Пырьев.* з. писк. № 22.

(²) Архиппъ тайно напугивалъ нѣкоторыхъ, еще не укритившъ хся, единовѣрцевъ.

бы священникамъ таковыхъ церквей воспрещено будетъ совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и съ тѣми обрядами, какія употреблялись до лѣтъ патріарха Никона“ (1). Мало того. Раскольники рѣшились подать прошеніе Государю Императору отъ нижнетагильскаго общества въ видахъ снисканія защиты отъ какихъ-то притѣсненій за вѣру,—для чего послали съ Федотомъ Германовымъ свою бумагу въ г. Екатеринбургъ для подачи на почту (2).

Но никакіе проiski раскольниковъ не могли остановить св. дѣла миссіи. Единовѣріе развивалось и приобрѣтало новыхъ членовъ. Въ исповѣдной росписи никольской церкви за 1834 г. считалось единовѣрцевъ-прихожанъ: купцовъ, мѣщанъ и заводскихъ крестьянъ муж. 243, женск. 216, об. п. 459 ч. Изъ окрестныхъ гороблагодатскихъ заводовъ казенныхъ—муж. 159, жен. 147, обоего 306, а всего 765 ч.

Изъ этого видно, что число прихожанъ никольской церкви возрастало быстро. Въ приходѣ о. Козельскаго, почти на половину, были единовѣрцы изъ окрестныхъ мѣстъ гороблагодатскаго казеннаго округа. Какимъ же образомъ единовѣріе проникло изъ нижнетагильска въ округъ гороблагодатскій?

Разсадникомъ единовѣрія для гороблагодатскаго округа былъ приходъ нижнетагильскій, никольской церкви.

Бѣглый попъ троицкой часовни Архиппъ считалъ въ 1823 г. своими прихожанами въ гороблагодатскомъ

(1) Прот. Пырѣв. записк. № 152.

(2) Тамже № 22.

округѣ до 1200, а въ 1832 г. до 1450 ч. раскольниковъ, у которыхъ онъ исправлялъ требы, по примѣру своихъ предшественниковъ. — Насаждая единовѣріе въ Нижнетагильскѣ, миссія съ такою же ревностію работилась о сближеніи раскольниковъ съ Церковію и въ окрестностяхъ какъ въ Демидовскихъ, такъ и въ гороблагодатскихъ заводахъ. Нижнетагильскіе единовѣрцы служили для окрестныхъ раскольниковъ примѣромъ обращенія, на что, при всякомъ увѣщаніи, миссіонеръ и указывалъ своимъ собесѣдникамъ, поборникамъ старообрядства. Съ другой стороны, и самые единовѣрцы нижнетагильскіе, издавна находясь въ короткихъ отношеніяхъ съ окрестными раскольниками, не рѣдко обращавшимися къ бѣглому троицкому попу, не упускали случая наклонять своихъ знакомыхъ, ревнителей старообрядства, къ принятію единовѣрія. Никольскіе единовѣрцы, особенно ихъ попечители, хорошо понимали свою задачу — сблизить съ единовѣрческою церковію тѣхъ, которые имѣли противъ нея предубѣжденія. Въ видахъ этого сближенія, попечители никольской церкви тщательно заботились о сохраненіи, даже улучшеніи, тѣхъ порядковъ, которые такъ дороги сердцу истаго старообрядца. Съ этою цѣлію никольцы (черезъ своихъ попечителей: Полегова, Морозова, Бажанова, Ушкава и Чеусова) просили екатеринбургскаго купца Ивана Семен. Верходанова, попечителя екатеринбургской спасской церкви (что единовѣрческая толстикова), уволить на время къ нижнетагильскій заводъ діакона Георгіевскаго. И діаконъ Георгіевскій „для устранения недостатковъ въ службѣ Божіей“ пріѣзжалъ къ нижне-

тагильскимъ единовѣрцамъ, и вмѣстѣ съ ними торжественно справляли храмовый праздникъ никольской церкви (9 мая 1834 г.). Раскольники, подстрекаемые любопытствомъ, нередко заходили къ единовѣрцамъ на богомолье, видѣли порядокъ и благочиніе, и уносили съ собою пріятное впечатлѣніе. Такимъ образомъ знакомство съ единовѣрцами „по старой памяти“ и знакомство съ ихъ богослуженіемъ мирило раскольниковъ съ благословеннымъ священствомъ. Но привязанность къ бѣглому часовенному попу не позволяла раскольнику промѣнять часовню на церковь. Миссія это понимала и приняла благовременную мѣру. По ходатайству архіепископа Аркадія, священникъ троицкой раскольниковой часовни Архиппъ Семеновъ 8 марта 1833 г. поднискую обязанъ, чтобы требы у старообрядцевъ гороблагодатскихъ заводовъ и принадлежащихъ къ нимъ деревень не исправлялъ, хотя бы таковыя и сами къ нему пріѣзжали; а за исполненіемъ этого обязательства, которое лишало раскольниковъ гороблагодатскихъ бѣглаго священства, никольскіе единовѣрцы слѣдили неотомимо. Такимъ образомъ, окрестные раскольники поставлены были въ необходимость: или остаться вовсе безъ священства, или перейти въ единовѣріе. Они избирали послѣднее.

Хотя приходъ никольской церкви былъ не великъ, но одинъ священникъ съ трудомъ могъ исполнять случающіяся требы: такъ какъ прихожане гороблагодатскаго округа находились въ разныхъ мѣстахъ и далеко отъ Нижнетагильска. Вслѣдствіе этого явилась настоятельная нужда въ другомъ священникѣ. По совѣту

управляющаго Вѣлова, никольскіе единовѣрцы избрали себѣ вторымъ священникомъ, уткинскаго завода, православнаго іерея Сумеона Воинственскаго.

По указу пермской духовной консисторіи отъ 12 февраля 1835 г. священникъ Воинственскій обучался единовѣрческому священнослуженію не въ Екатеринбургѣ, какъ о. Козельскій, а въ своей, никольской, церкви, куда былъ опредѣленъ.

По устроеніи никольскаго храма и водвореніи законнаго священства, въ Нижнетагильскѣ единовѣріе стало на прочномъ основаніи и тѣснѣе сблизилось съ св. Церковію. Привыкая къ церкви, никольскіе единовѣрцы мало помалу забывали о часовнѣ раскольниковъ, въ которой религіозно воспитались, и не только уже не жалѣли о своемъ присоединеніи къ Церкви, напротивъ радовались и торжествовали. Отличаясь отъ православной Церкви нѣкоторою обрядностію, единовѣрческое общество примирилось съ нею въ лицѣ архипастырей, къ которымъ питало дѣтскую любовь и уваженіе. Не отличаясь отъ раскольниковъ въ богослужебной обрядности, единовѣрцы были далеки отъ нихъ по духу, чужды, если не враждебны, имъ по своимъ убѣжденіямъ, которыя были плодомъ сознанія чистоты, законности и правоты спасительнаго единовѣрія. Правда, сначала не всѣ такъ понимали единовѣріе, какъ передовые его поборники; но со временемъ все болѣе проникались духомъ единовѣрія и принявшіе его находили въ немъ полное удовлетвореніе. Такое настроеніе единовѣрцевъ ярко отразилось въ умилительномъ письмѣ повѣреннаго ихъ Якова Морозова, которое онъ писалъ

(9 янв. 1835 г.) къ архіепископу Аркадію, по случаю крестнаго хожа на іордань изъ новоустроенной николевской церкви въ праздникъ богоявленія. „Днесь явилась благодать Божія спасительная и мы съ душевнымъ чувствомъ и съ дѣтскою любовію къ свѣдѣнію вашего высокопреосвященства симъ честь имѣемъ донести. Въ день праздника богоявленія Господня былъ у насъ, при благонравномъ нашемъ священникѣ Димитріѣ, крестный ходъ на воду, въ выстроенную на рѣкѣ Тагилѣ благотворительными нашими управляющими новую іордань, при такомъ многочисленномъ стеченіи народа, что изъ старообрядческаго сословія и прочихъ зрителей было не менѣе 2000 человекъ. Всѣ смотрѣли отверстыми очами; мы же, вновь приобрѣтенная чада ваша, будучи въ восторгѣ и радости, пришедши съ таковаго великолѣпнаго богослуженія и соборнаго зрѣлища, воспѣли: Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ Богъ Израилевъ и вси языцы восплеците руками и воскликните Богу гласомъ радости. И вы, великій отецъ нашъ и архимастыръ, въ своихъ св. молитвахъ воздадите Господеву Богу нашему за насъ, вновь приобрѣтенныхъ чадъ, свои благодаренія, дабы и еще приумножилось Богомъ собранное паствы вашей стадо и укрѣплялось въ вѣрѣ чадами св. Церкви“ (*). Въ подобномъ же тонѣ и смыслѣ единовѣрцы дѣлились своими чувствами и съ видаріемъ преосвященнымъ Евлампіемъ отъ 17 января. На что владыка отвѣчалъ самымъ дружескимъ посланіемъ, выражая под-

(* Прот. Пырив. записк. № 26.

ноту своего сочувствія и духовнаго общенія съ едино-
вѣрцами, столь искренними чадами св. Церкви. Но
чѣмъ сильнѣе развивалось единовѣріе, чѣмъ болѣе уяс-
нялся его путь, ведущій къ единенію съ св. Церко-
вію, тѣмъ напротивъ запутаннѣе и труднѣе становилось
положеніе раскола. Окрестные раскольники давно уже
лишились священника, который по известной подпискѣ
(8 мар. 1833 г.), данной начальству, не имѣлъ права
исправлять требы внѣ предѣловъ нижнетагильскаго за-
вода.

Это же чувствительное и важное по своимъ по-
слѣдствіямъ лишеніе постигло раскольниковъ и въ са-
момъ нижнетагильскомъ заводѣ. Марта 19 ч. 1835 г.
померъ въ Нижнетагильскѣ бѣглый священникъ Ар-
хиппъ, которымъ заканчивался длинный рядъ непре-
рывной іерархіи бѣглаго священства, служившаго въ
большемъ обществѣ троицкой часовни раскольниковъ.
Въ виду этого главнаго общества возникали теперь
большія затрудненія, которыя угрожали опасностію его
цѣлости болѣе, чѣмъ когда нибудь. Единовѣрческое
общество никольской церкви, при стараніи миссіи, не-
успѣшно стремилось къ увеличенію своего прихода.
Смерть бѣглаго священника Архиппа отнимала у ра-
скольниковъ надежду видѣть преемника ему. Кромѣ то-
го, 28 октября 1835 г. послѣдовало предписаніе глав-
наго начальника уральскаго хребта къ нижнетагильско-
му заводскому исправнику, чтобы „не имѣть въ расколь-
ническихъ часовняхъ ничего походяго на благоустро-
еніе святыхъ Божіихъ церквей“. Это распоряженіе,
стѣснительное для раскольниковъ, подвергло ихъ стро-

тому надзору отъ заводскаго начальства, которое по обязанности своей имѣло право слѣдить за раскольниками даже во время ихъ богослуженія.

Но чѣмъ труднѣе и опаснѣе становилось положеніе главнаго общества троицкой часовни, тѣмъ дѣятельнѣе и ожесточеннѣе были старшины-руководители. Чтобы крѣпче сплотить свое большое общество и надежнѣе оградить неприступность троицкой часовни, они успокоивали народъ обѣщаніемъ исходатайствовать у правительства новаго бѣглаго попа и часто обращались съ просьбами ⁽¹⁾ то къ начальнику губерніи, то къ начальнику уральскаго хребта „о позволеніи имъ имѣть по прежнему бѣглыхъ священниковъ, и жаловались на мнимыя стѣсненія ихъ отъ заводууправленія“. Заискивали они покровительства у такихъ ближайшихъ вліятельныхъ начальниковъ, каковы исправникъ заводскій и т. п.

Но такіе происки старшинъ подавали поводъ только къ усиленію борьбы между большимъ обществомъ троицкой часовни и единовѣрцами никольской церкви. Пользуясь распоряженіями начальства, единовѣрцы неусыпно слѣдили за поступками раскольниковъ и обнаруживали все неправое, самовольное, противозаконное въ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ повѣренный единовѣрческаго общества Морозовъ не упустилъ случая донести ⁽²⁾ пре-

⁽¹⁾ Вслѣдствіе этого 27 января 1836 г. главный начальникъ горныхъ заводовъ уральскаго хребта, по просьбѣ архіеписк. Аркадія, предписывалъ заводскому исправнику: воспрепятствовать раскольникамъ, чтобы они не разсѣвали пагубныхъ заблужденій къ явному препятствію духовной мисси, и, если таковыя злонамѣренные развратители окажутся, то таковыхъ представлять къ начальству. Прот. Пырьев. записк. № 153.

⁽²⁾ Прот. Пырьев. зап. № 31.

освященному Евлампію (янв. 17 ч. 1836 г.) о томъ, что заводскій приказчикъ Иванъ Макаровъ, членъ троицкаго общества раскольниковъ, „выдаетъ въ замужество дочь свою Параскеву верхневинскаго завода за сына приказчика Полузадова, которую увезли (14 ч. того же мѣсяца) для свѣнчанія къ бѣглому попу Парамону Лебедеву“. Тутъ же упомянулъ Морозовъ и о томъ, что, въ видахъ предостереженія, заводскому исправнику священникъ Воинственскій давалъ о семъ знать; но „такое поддержаніе оставлено со стороны заводскаго исправника безъ исполненія“.

Такъ искренніе единовѣрцы не только не чуждались православныхъ архипастырей, но съ дѣтскою откровенностію увѣдомляли ихъ обо всемъ, что имѣло какое нибудь отношеніе къ судьбѣ раскола и единовѣрія.

Тотъ же повѣренный единовѣрческаго общества Морозовъ (¹) доносилъ преосвященному Евлампію и о томъ прискорбномъ обстоятельствѣ, „что управляющій Бѣловъ, покровитель и помощникъ единовѣрцевъ, 28 ч. декабря прошлаго (1835) года со своимъ семействомъ отправился въ Петербургъ, отъ чего и произошла обида, въ лицѣ единовѣрца нанесенная „всему обществу никольской церкви“ отъ раскольниковъ троицкой часовни. Обида эта заключалась въ слѣдующемъ. По распоряженію заводскаго начальства, одному единовѣрцу Истомину (конторскому служителю) было поручено наблюдать за троицкою часовнею, которая подлежала (на основаніи предписанія главнаго начальника уральскихъ

(¹) Прот. Пырѣев. записк. № 30.

заводовъ отъ 28 ч. окт. 1835 г.) присмотру именно въ томъ отношеніи, чтобы въ часовнѣ не было ничего похожаго на благоустройство церковное. Исполняя свою обязанность, Истомина въ учтиво вошелъ, послѣ заутрени въ день богоявленія, въ троицкую часовню и „видѣть престолу подобіе (вмѣстопрестоліе) въ полной силѣ и украшеніе, какъ и въ православныхъ церквахъ“. Истомина замѣтилъ старшинѣ Красильникову, что это противозаконно, и былъ выгнанъ изъ часовни съ словами старшинки, что „про это дѣло знаетъ исправникъ“. Истомина вошелъ въ николевскую церковь и передалъ тамъ единовѣрцамъ о случившемся. Но лишь только началось богослуженіе, Истомина былъ взятъ козакомъ и представленъ къ исправнику, у котораго былъ отъ раскольниковъ посланный ходатай, верхотурскій купецъ Минаевъ⁽¹⁾. Хотя Истомина оправдался предъ исправникомъ, но раскольникъ Минаевъ распустилъ молву, будто за свое посѣщеніе троицкой часовни „Истоминъ наказанъ палками“. Считая поступокъ съ Истоминнымъ оскорбленіемъ для единовѣрческаго общества и поблажкою раскольникамъ, единовѣрцы дали на гербовомъ листѣ отъ себя довѣренность Морозову и Ушкову „для

(1) Семень Минаевъ, верхотурскій купецъ, жившій въ Тагилѣ, вскорѣ отделился отъ троицкаго общества и сдѣлался ревностнымъ побѣрникомъ единовѣрія. Въ 1837 г. онъ велъ оживленную переписку съ преосвященнымъ Аркадіемъ о дѣлахъ единовѣрія. Минаевъ не мало содѣйствовалъ развитію единовѣрія въ г. Тюмени (тобольской губерніи) чрезъ своего знакома Гнѣвышева. Изъ переписки съ Минаевымъ видно, что Гнѣвышевъ, закоренѣлый раскольникъ, сильно вредившій мисіи въ Тюмени, наконецъ рѣшился принять единовѣріе. Бывши въ Петербургѣ, Минаевъ представлялся члену св. синода высокопреосвѣщенн. Филарету кievскому, а потомъ въ Москвѣ—высокопреосвѣщенн. Филарету московскому, прося у нихъ наставленія, какъ лучше дѣйствовать ему для обращенія раскольниковъ къ единовѣрію.

ходатайства по дѣламъ единовѣрцевъ“. Но эта довѣренность у Морозова была отобрана приказчикомъ полиціи Прокопьемъ Львовымъ (раскольникомъ) „силою своей власти“. Почему обиженные Морозовъ и Ушковъ умоляютъ преосвященнаго оказать имъ защиту и покровительство на случай: „неровно вдругъ случится какая для общества единовѣрцевъ прижимка отъ заводскаго исправника, на коего они надежды не полагаютъ“. Предусмотрительный владыка Евлампій, обѣщая единовѣрцамъ всѣ законныя и необходимыя услуги, въ то же время вразумлялъ единовѣрцевъ быть осторожными и исвать защиты у своего заводскаго начальства въ тѣхъ дѣлахъ, которыя исключительно подлежатъ его вѣдѣнію, а свѣдѣніе о свѣнчаніи верхневинскимъ бѣглымъ священникомъ Парамономъ брака Полузадова преосвященный обѣщалъ принять „къ должному соображенію“.

Но съ этого времени (съ 1837 г.) поборники единовѣрія никольской церкви уступили мѣсто другимъ, болѣе сильнымъ дѣятелямъ, вызваннымъ Промысломъ Божиимъ изъ среды самого же общества троицкой часовни. Единовѣріе никольской церкви было только начаткомъ и такъ сказать пробнымъ камнемъ въ судьбѣ развитія единовѣрія нижнетагильскаго. Но ослабленіе раскола, сосредоточеннаго со всею силою подъ свѣнію старинной знаменитой троицкой часовни; полное и плодотворное развитіе единовѣрія не въ одномъ Нижнетагильскѣ, а и во всѣхъ его окрестностяхъ, было слѣдствіемъ иныхъ обстоятельствъ, независимыхъ отъ общества никольской единовѣрческой церкви.

Споспѣшествуя устроению никольскаго храма, миссія понимала, что ключемъ къ ослабленію раскола и вождедѣнному развитію единовѣрія была троицкая часовня. Посему все вниманіе, все стараніе миссіи было сосредоточено на этой часовнѣ, служившей сильнымъ оплотомъ и для окрестныхъ обществъ раскольническихъ. Но мудрыя мѣры миссіи оставались недѣйствительными безъ разумнаго содѣйствія заводскаго начальства. Повѣренный никольскаго единовѣрческаго общества Яковъ Морозовъ былъ правъ, когда безъ преувеличенія писалъ къ преосвященному Евлампію отъ 10 января 1836 г.: „съ душевнымъ чувствомъ и сердоболѣемъ я не приминутьъ свѣщеннѣйшую особу вашу симъ почтенно къ свѣдѣнію извѣстить, что *покровитель нашъ* и всей христіанской вѣры *защитникъ* Дмитрій Васильичъ Бѣловъ отбылъ въ С.-Петербургъ (отъ 28 ч. деж. прошедшаго 1837 г.), послѣ чего у насъ пошло по нашей церкви и по нашему обществу совсѣмъ другое, противоположное правленіе и насталъ у часовенныхъ расколосодержателей праздникъ“.

Дѣйствительно, отсутствіе дѣятельнаго помощника миссіи Бѣлова было періодомъ какого-то застоя, чувствительнаго для успѣховъ единовѣрія. Но, по возвращеніи управляющаго Бѣлова изъ С.-Петербурга, дѣла миссіи въ нижнетагильскомъ заводѣ оживились и приняли другой оборотъ.

Еще въ 1832 г. говорилось: „Въ теперешнее время, т. е. съ открытія миссіи, кажется, весьма можно приступить къ уничтоженію: раскольническихъ часовенъ, имѣя сначала основаніемъ къ тому построение

или поправку ихъ послѣ 1826 г. (когда обнародовано Высочайшее повелѣніе вновь не сооружать и старыхъ не поправлять раскольническихъ молитвенныхъ домовъ), и предположивъ, что раскольники, лишившись часовни въ одномъ мѣстѣ, гдѣ собирались на моленіе и, видя молитвенный единовѣрческій домъ или церковь, въ которой служатъ по старопечатнымъ книгамъ и держатся такъ называемыхъ ими (раскольниками) древнихъ обрядовъ, скорѣе могутъ присоединиться къ св. Церкви“.

Предположеніе это сдѣлалось завѣтною цѣлю, къ которой миссія стремилась неуклонно. Поборники единовѣрія понимали, что для сокрушенія раскола нужно ввести единовѣрческаго священника въ самое гнѣздо раскола, въ троицкую часовню. Къ этому и стали теперь стремиться всѣ ревнители и дѣятели на поприщѣ райвита единовѣрія. Достиженію этой цѣли благоприятствовали и самыя обстоятельства. У единовѣрцевъ была не только часовня густомѣсовская, но уже и церковь. У нихъ было два священника, которые безостановочно исполняли всѣ духовныя требы своихъ прихожанъ. Не то было у раскольниковъ. Со смертію Архиппа въ троицкой часовнѣ прекратилось то священство, помощью котораго ревнители старообрядства мнили утолить свою духовную жажду. За службою въ троицкой часовнѣ не было уже попа: раскольники остались съ одними стариками „замолитвенниками“.

По возвращеніи изъ С.-Петербурга ревностный Бѣловъ⁽¹⁾ началъ дѣйствовать въ пользу миссіи рѣшительнѣе.

(1) Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Бѣловъ словесно объ-

Въ іюні 1836 г. въ господскій домъ на увѣщаніе къ протоіерею (нижнетагильской іерусалимской церкви) Михаилу Кириллову было собрано до 60 ч. раскольниковъ. Въ числѣ этихъ раскольниковъ былъ одинъ, болѣе рѣшительный и твердый, очень начитанный и вліятельный въ обществѣ троицкой часовни, крестьянинъ Федоръ Агаоновъ Уткинъ⁽¹⁾. Въ заключеніе увѣщаній о. Кириллова Уткинъ „всѣхъ рѣшительнѣе сказалъ, что его ничѣмъ не убѣдить, и онъ не только въ господствующую православную Церковь не пойдетъ, даже и въ благословенную согласенъ не будетъ“. Тѣмъ собраніе и кончилось. Но это собраніе и увѣщанія не остались безъ послѣдствій. Хотя раскольники не были склонны къ иринятію единовѣрія, но уже чувствовали его необходимость, къ сознанію которой приводили ихъ увѣщанія миссіонера и нужда въ священникѣ. Въ троицкомъ обществѣ нашлись люди, которые не только уже мирились съ единовѣріемъ, но пожелали ввести его въ самую троицкую часовню. Мысль отважная, но добросовѣстная, намѣреніе неудобноисполнимое, но рѣшительное овладѣли сердцами избранныхъ, почувствовавшихъ свое безотрадное положеніе среди затрудненій, въ которыхъ находилось большое общество троицкихъ раскольниковъ, лишенное священства. 1836 г. августа 1 ч. крестьянинъ Анисимъ Гавриловъ Костинъ съ едино-

инокъ высокопреосвѣщ. митрополита — Серафиму и Филарету о дѣйствіяхъ по миссіи и представилъ записку о мѣрахъ къ пресѣченію раскола въ нижнетагильскихъ заводахъ. Прот. Пырьев. записк. № 149.

(¹) Онъ былъ въ 1823 г. старостою часовни.

мысленными семью товарищами (¹) подали прошение въ главную контору заводскую, „изъявляя согласіе на принятіе благословеннаго священника въ большую нижнетагильскую троицкую часовню“. Съ тѣмъ вмѣстѣ Костинъ и его единомысленные товарищи просили сдѣлать учетъ попечителямъ троицкой часовни Петру Чусову и Саввѣ Красильникову. Костинъ хлопоталъ объ этомъ въ видахъ сохраненія часовеннаго общественнаго имущества отъ растраты.

Это прошеніе Костина было удачнымъ вызовомъ для миссіи, которая искала случая сблизиться съ троицкими раскольниками. Но благоразуміе требовало дать время созрѣть желанію благомыслящихъ и усилиться ихъ союзу, чтобъ сильнѣе потомъ дѣйствовать на троицкое общество. Пока заводоуправленіе сносилось съ духовнымъ начальствомъ по поводу прошенія Костина и его товарищей, желавшихъ водворить единовѣрскаго священника на мѣстѣ Архиппа, въ троицкомъ обществѣ все болѣе усиливались разногласіе и раздоры. Посему благонамѣренныя и добросовѣстные изъ раскольниковъ рѣшились предложить своему обществу такую мѣру, которая могла бы устранить раздоры и возстановить единодушіе. Съ этою цѣлію было на бумагѣ подано „предложеніе къ братіи увѣщательное по еовѣсти изъ среды старообрядческаго сословія поповщинскаго“. Въ этомъ увѣщаніи указывали на примѣръ предковъ, которые, подражая иргизскимъ монастырямъ, всегда принимали къ себѣ бѣглыхъ поповъ, должно-

(¹) Всѣ они были послѣ ревностными единовѣрцами свято-троицкаго прихода.

вавшихъ только представить ставленную грамоту въ доказательство своей хиротоніи. Примѣромъ этимъ имѣлось въ виду поддержать въ обществѣ привязанность къ священству, такъ какъ нѣкоторые (Обрѣзковъ, Сизовы, Токаревы и др. раскольники) уклонялись въ безпоповщину. И тѣмъ, которые, подобно Обрѣзковымъ, „боятся священства, Церкви и приношенія безкровныя жертвы, и ангеломъ говѣйныя службы божественныя литургіи“, совѣтывали „удалиться со смиреніемъ въ свои дома, пребывать во уединеніи, молитвахъ и сокрушеніи сердца, подражая пустынножителямъ“. Устраняя отъ часовеннаго общества наклонныхъ къ безпоповщинѣ, благомыслящіе предлагали отдать троицкую часовню расположеннымъ къ священству, съ тѣмъ чтобы они не съ гордостію, а съ кротостію искали душевнаго спасенія, выжидая благопріятнаго случая къ приобрѣтенію священства. Посему предлагали, „оставя негодование, зависть и вражду не вынуждать тѣхъ, кто станетъ удаляться священниковъ, и оставить всякому пещися о своемъ душевномъ спасеніи по своему усмотрѣнію“ (1). Это примирительное предложеніе умѣренныхъ раскольниковъ было слѣдствіемъ желанія устранить тѣ раздоры, которые происходили между партіею склонныхъ къ безпоповщинѣ и тѣхъ, которые были привязанны къ бѣглому священству и непремѣнно желали имѣть священника.

Октября 11 ч. 1836 г. управляющій заводами Д. Бѣловъ пригласилъ въ господскій домъ до 20 ч. ра-

(1) Прот. Пырѣев. записк. № 515.

окольниковъ, въ числѣ коихъ были закоренѣлые, но добросовѣстные раскольники—приказчикъ Иванъ Макаровъ⁽¹⁾ и Ѳеодоръ Уткинъ. Ревностный Бѣловъ объявилъ раскольникамъ о прошеніи Костина, желавшаго принять въ троицкую часовню благословеннаго священника на правилахъ митрополита Платона, и убѣждалъ ихъ подписать бумагу, по сему случаю составленную. Опасаясь сдѣлать насиліе немогущей совѣсти раскольниковъ, Бѣловъ составилъ приговоръ въ томъ смыслѣ, чтобъ часовня троицкая оставалась часовнею безъ алтаря, но чтобъ „исправлять въ ней *требы чрезъ законнаго священника*, котораго только можно“. Въ отвѣтъ управляющему Уткинъ сказалъ, что „въ этой бумагѣ заключаются два предмета: 1) что онъ долженъ привести себя на согласіе — принять благословеннаго священника къ церкви, ими устроенной, или часовнѣ вравнѣ, безъ различія, и 2) согласиться съ Анис. Костинимъ на водвореніе священника въ часовню, избѣгая церкви, что онъ считаетъ не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ съ двухъ сторонъ; съ первой: обольстить стѣнами часовенными простой народъ; съ другой: вовсе не успѣть ничего, а напротивъ только нанести обиду тысячамъ душъ, особливо старикамъ и старухамъ, дошедшимъ до глубокой древности, которые, по занятіи часовни, должны будутъ лишиться храма совершенно и затворить себя по домамъ предъ святыми иконами, только со псалтирю и лѣстовкою. „Въ та-

(¹) Онъ въ послѣдствіи былъ самымъ усерднымъ прихожаниномъ свято-троицкой церкви.

ковой обидѣ, сказалъ, Уткинъ, онъ рѣшительно участвовать не будетъ“. Поэтому, смотря на Уткина, никто не рѣшился подписать бумагу. Тѣмъ и кончился этотъ совѣтъ.

Но дѣятельный и разумный Бѣловъ не унывалъ отъ этой неудачной попытки. Онъ видѣлъ, что раскольники не соглашались съ Костинымъ потому только, что еще не убѣждены въ спасительности единовѣрія, но зналъ, что съ нимъ говорили люди добросовѣстные, чуждые тѣхъ расчетовъ, которыми руководились старшины - предводители. Робость и несогласіе раскольниковъ были естественны въ ихъ положеніи, при ихъ привычкахъ къ независимому отъ епархіальнаго начальства священнику. Поэтому Бѣловъ на другой день (12 ч. окт.) снова собралъ поутру къ себѣ въ домъ Ивана Макарова, Якимъ Львова⁽¹⁾, Иродіона Сыроѣдина⁽²⁾, Никиту Сиротина⁽³⁾, Ивана Анфисина и Уткина съ ними. Не упоминая болѣе о прошеніи Костина, чѣмъ раздражался Уткинъ, Бѣловъ заговорилъ только о священствѣ бѣгломъ, „что его на правилахъ 1822 г. ожидать болѣе не должно, что государь и правительство болѣе не разрѣшать, кромѣ священниковъ благословенныхъ, и что имъ съ молодыми дѣтьми жить по тѣлесному не можно и по душевному христіан-

(1) Бывалъ караваннымъ приказчикомъ, добросовѣстный раскольникъ, который отдавалъ дѣтей своихъ въ единовѣріе, а самъ, къ сожалѣнію, умеръ въ расколѣ.

(2) Сыроѣдинъ былъ не близокъ къ единовѣрію и умеръ въ расколѣ.

(3) Сиротинъ былъ второй Уткинъ, ревностный единовѣрецъ.

своему закону погрѣшно“. Потому Бѣловъ указалъ на внутренніе безпорядки и раздоры, волновавшіе общество часовенное, гдѣ личности и корыстные расчеты старшинъ играли главную роль. Хотя Уткинъ продолжалъ возражать управляющему и защищать свое упорство, но доказательства Бѣлова были такъ основательны, убѣжденія столь искренни и сильны, что раскольники не могли не почувствовать благонамѣренности его совѣтовъ. Замѣтивъ плодотворность своихъ увѣщаній и желая дать случай раскольникамъ охотѣе самостоятельно сознать свои заблужденія, управляющій приказалъ имъ сего же числа по вечеру собраться въ часовню и „тамъ разбираться между собою отъ св. Писанія“. При этомъ дана была именная роспись старостѣ Сыроводову, кого повѣстить на собраніе въ часовню троицкую. Собраніе это состоялось. Вечеромъ въ троицкой часовнѣ сошлось не менѣе 120 раскольниковъ для добросовѣтнаго разсужденія о дѣлахъ вѣры и о положеніи общества своего. Но хитрые старшины уклонились отъ этого собранія, состоявшаго большею частию изъ простыхъ людей, заблаговременно направленныхъ старшинами не слушать здравыхъ разсужденій благомыслящихъ. На этомъ собраніи прежде всего были прочитаны, Андреемъ Соловьевымъ (*) заранее составленный приговоръ партіи, не согласной на принятіе священства благословеннаго. Этотъ приговоръ написанъ былъ еще въ маѣ мѣсяцѣ съ цѣлію разрѣшить недоумѣнія, какъ жить „въ крайнихъ случаяхъ безъ

(*) Соловьевъ былъ смѣлый раскольникъ, писалъ у раскольниковъ бумаги и слылъ законникомъ; померъ раскольниковъ.

священства“, съ намѣреніемъ успокоить простой народъ, напрасно ожидавшій дозволенія снова имѣть бѣглыхъ поповъ. Приговоръ этотъ за подписомъ 200 раскольниковъ начинался такъ: „Пермской губерніи, верхотурскаго уѣзда, гг. наслѣдниковъ тайнаго совѣтника и кавалера Николая Никитича Демидова, ниже-тагильскаго и прочихъ *осми заводовъ* и вѣдомства оныхъ селеній старообрядцы, чувствующіе послѣдовавшія стѣсненія“... Затѣмъ были изложены мнимыя правила изъ старопечатныхъ книгъ, какъ поступать христіанамъ, когда, въ крайнихъ нуждахъ, не будетъ священника для освященія ихъ таинствами. Послѣ изчисленія этихъ правилъ, искусно принаровленныхъ къ современнымъ обстоятельствамъ тагильскихъ раскольниковъ, приговоръ заканчивался такъ: „Въ самой крайне стѣсненной необходимости, вслѣдствіе вышеозначенныхъ книгъ, за симъ изъ среды себя избираемъ депутатовъ, которымъ довѣряемъ имѣть ходатайство у мѣстныхъ начальствъ и, если послѣдуетъ надобность, отправиться и предстать предъ особу Его Императорскаго Величества *доверенныхъ*, а потомъ предъ лице самодержавнѣйшаго Государя вашего и просить на насъ милостиваго вoarзрѣнія, чтобы въ вѣроисповѣданіи нашемъ духовныя власти вліянія на насъ не имѣли, а гражданское правительство, по настоянію духовныхъ, насъ не стѣсняло... Въ чемъ всеобщественно и подписуемся“. Въ этомъ приговорѣ нашлась какая-то несправедливость, внесенная изъ старопечатнаго катихизиса якобы ложно, и была изобличена Фодотомъ Сыроѣдинымъ (*).

(*) Былъ весьма начитанный и умный между раскольниками, впоследствии ревностный единовѣрецъ свято-троецкій.

девало теперь читать изъ книгъ партіи благомыслящихъ; но простой народъ былъ направленъ старшинами препятствовать этому чтенію. „А когда приказчикъ Маваровъ приказалъ читать книги, не смотря на препятствія, то сторожъ часовенный Егоръ Перетрутовъ, руководствуясь направлениемъ расколосодержателей, возгласилъ народу: идите вонъ изъ часовни. Пусть они (благомыслящіе) одни читаютъ, а вы не слушайте. Послѣ этого Иродіонъ Сыроѣдинъ сказалъ, „что старшины потому не приняли въ часовню на собраніе, что не хотятъ слушать чтеніе Уткина и его товарищей“. Одинъ только помянутый Соловьевъ, читавшій приговоръ, выходилъ говорить съ благомыслящими, и то не ради разъясненія истины, а для спора, при чемъ говорилъ даже противъ правительства. Тѣмъ и кончилось это собраніе. Положено было снова собраться въ часовню въ будущій вечеръ.

Послѣдствіемъ этого схода было то, что Федотъ Сыроѣдинъ, Уткинъ и прочіе благомыслящіе изъ раскольниковъ начали болѣе убѣждаться, что для разъясненія истинны необходимо полное безпристрастіе, котораго не доставало заблудшимъ. Поэтому на новомъ собраніи они готовились заняться чтеніемъ книгъ съ большею настойчивостію.

На другой день (13 окт. 1886 г.) чрезъ заводскую контору были собраны въ часовню все старшины и старосты и народу человекъ до 200. Книгъ на столѣ было довольно; но читать ихъ часовенные служащіе (причетники) не стали, опасаясь старшинъ, чтобы не отрѣшили ихъ отъ должностей. Ибо старшины нисколь-

ва не были согласны на принятіе священника, и знали, что книги эти изобличают ихъ заблужденіе. Довалось однакоже болѣе всѣхъ читать книги Фёдору Уткину, хотя многимъ неблагомыслящимъ это было неприятно. Между тѣмъ старшины всячески старались замѣшать и остановить чтеніе. Они даже прямо запрещали его. Препятствіемъ къ чтенію былъ особенно народный шумъ, къ которому побуждали. Поэтому не многіе могли внятно разслушивать св. Писаніе. Со стороны старшинъ столовъ было болѣе и споръ о Церкви и священствѣ съ обѣихъ сторонъ, благомыслящихъ и неблагомыслящихъ, былъ очень жаркій, который увеличивался и доходилъ до того со стороны неграмотнаго народа, особенно отъ главнаго расколосодержителя Федота Гермазова (по ревизіи Ушакова) и Трофима Серебрякова, что едва могли усмирить ихъ бывшіе тутъ заводскіе приказчики (тоже раскольники, но болѣе просвѣщенные). Поминутый Серебряковъ, одинъ изъ главныхъ коноводовъ, при спорѣ о Церкви и священствѣ сидѣлъ за столомъ противъ Федора Уткина. Не имѣя возможности опровергнуть ясныхъ доказательствъ Уткина о необходимости священства, Серебряковъ пришелъ въ такое раздраженіе, что хотѣлъ было чрезъ столъ ударить или потеревить своего противника за волосы, но другіе, тутъ бывшіе изъ благомыслящихъ, успѣли устранивъ Уткина. Тѣмъ и кончилось это собраніе. Раскольники сильно позорили Уткина и Сырофдина за наклонность ихъ къ единовѣрью, такъ что и по выходѣ изъ часовни еще долго слышались на улицѣ брань и ругательства, сыпавшіеся на Уткина и его благомыслящихъ товарищей. Впрочемъ,

собрание это, оконченное шумомъ и бранью, не осталось безъ благодѣтельныхъ послѣдствій для благомыслящихъ. Не смотря на препятствія и продѣлки старшинъ, Уткинъ, Сыроѣдинъ и проч. торжествовали: они одержали видимую побѣду надъ своими противниками, не умѣвшими отстоять своихъ мнѣній. Болѣе умѣренныя и внимательныя изъ раскольниковъ легко убѣдились, что правда на сторонѣ Уткина, а не его противниковъ.

Для начала единовѣрія, которому пролагался такой тѣсный путь въ троицкую часовню, это было уже шагомъ впередъ. Добросовѣстный Уткинъ съ товарищами платилъ дань прошедшему, когда по совѣти отстаивали свои убѣжденія за расколъ. Но благонамѣренное и самостоятельное розысканіе истины, такъ настойчиво попираемой старшинами при преніяхъ въ часовнѣ, вдохнуло теперь въ Уткина и его единомысленниковъ рѣшительное намѣреніе сблизиться съ Церковью.

Черезъ два дня послѣ описаннаго собранія въ троицкой часовнѣ, Уткинъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ единомысленниковъ, пришелъ къ приказчику И. Макарову, раскольнику добросовѣстному, посоветоваться о принятіи священника въ часовню. Макаровъ рѣшительно былъ расположенъ совѣтовать и другихъ склонять къ тому, чтобы въ троицкую часовню принять благословеннаго священника, независимаго отъ никольской церкви. Мало того, что эти умѣренныя раскольники теперь спокойно разсуждали о единовѣрїи, они даже помышляли „обстановку единовѣрія улучшить противу никольскихъ чѣмъ можно, чтобы людей сблизить и

взыскать изъ заблужденія“, а для этого, по мнѣнію Сыроѣдина, нужно новаго священника „рукоположить по старопечатному потребнику“, что было у нихъ въ троицкой часовнѣ. Откровенный разговоръ единомыслениковъ окончился тѣмъ, что Уткинъ далъ имъ рѣшительное слово „не отступать отъ начатаго дѣла; а готову быть ко всякому отвѣту“ предъ неблагомыслищими.

Послѣ этого къ Уткину приходила сестра Акилина, раскольница-старушка, и убѣждала его предварительно посовѣтоваться „о дѣлѣ (единовѣрія) съ невьянскими Богатыревыми“. Совѣтъ Богатыревыхъ (пресловутыхъ вожаковъ невьянскаго раскола) Уткины почитали весьма важнымъ, и потому рѣшились вызвать ихъ къ себѣ въ нижнетагильскій заводъ.

Уткинъ также бесѣдовалъ неоднократно о благословенномъ священствѣ съ старицею Евпраксіею, раскольницею изъ иргизскихъ скитовъ. Евпраксія пользовалась уваженіемъ у раскольниковъ за то, что пришла изъ иргизской стороны, была начитана отъ св. Писанія и имѣла даръ слова. „Она много сказывала согласнаго въ иргизскихъ раскольническихъ храмахъ съ единовѣрческими. Впрочемъ, говорила она, священника отъ великороссійской Церкви можно принять не иначе, какъ вторымъ чиномъ, т. е. чрезъ мвропомазаніе (¹). Уткинъ, вступая на стезю единовѣрія, еще не могъ испол-

(¹) Евпраксія, жившая въ Нижнетагильскѣ, впоследствии приняла единовѣріе и сдѣлалась его искреннею ревнительницею. Но мысль, подавшая ей Уткину, о принятіи священника чрезъ мвропомазаніе, была причиною того, что впоследствии новопоступившаго къ троицкимъ единовѣрцамъ священника хотѣли было помазать мвромъ.

нѣ отрѣшиться отъ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, проинкнутыхъ духомъ бѣглопововщины. Слупая внимательно Евпраксию, онѣ пришелъ къ мысли, что нужно предварительно попытаться выиграть что нибудь въ пользу раскола.

Съ этою мыслию Уткинѣ (окт. 22 ч. 1836 г.) пришелъ вечеромъ къ управляющему Бѣлову и просилъ, чтобы „изъ пунктовъ Платона митрополита три пункта убавить“. Осторожный Бѣловъ далъ обѣщаніе написать объ этомъ архіепископу пермскому (¹) Аркадію. Опасаясь мщенія раздраженныхъ раскольниковъ, Уткинѣ просилъ Бѣлова, чтобы его больше не посылали на сходки въ троицкую часовню.

Между тѣмъ, по вызову сестры Уткина Акилины, въ нижнетагильскій заводъ пріѣхалъ изъ невьянскаго завода пресловутый раскольникъ Аѳанасій Богатыревъ для совѣта. Съ радостію встрѣтила Богатырева простодушная старуха Акилина и просила поговорить съ братомъ ея Федоромъ на счетъ единовѣрія. Хитрый расколоучитель, какъ-бы прерывая общеніе съ отступникомъ, не сталъ говорить съ Уткинымъ, а пытливой его сестрѣ сказалъ: „если и убавити чего хотять (изъ Платоновыхъ пунктовъ), хотя бы то допустилъ и архіепископъ пермскій, то считать надо за то, что этимъ только *маленькихъ ребятшекъ потѣшаютъ*“. Потомъ онѣ привелъ примѣръ: „Птичка единымъ ногтемъ попадетъ, вся держима“, и прибавилъ обыкновенное свое

(¹) Уткинѣ въ декабрѣ того же года подалъ Бѣлову прошеніе объ исключеніи этихъ трехъ пунктовъ, для сношенія поэтому предмету съ архіепископомъ пермскимъ.

слово: „надобно терпѣть“ (1). Окончивъ свои назиданія, Богатыревъ спѣшилъ изъ Тагила поскорѣе убраться въ Невьянскъ и потому ничего не успѣлъ сдѣлать къ разстройству поборниковъ единовѣрія. За Богатыревымъ слѣдило заводское начальство.

Движеніе, начавшееся въ троицкомъ обществѣ въ пользу единовѣрія, болѣе и болѣе усиливалось и развивало неуступчивость соперниковъ. Хотя число благомыслящихъ, склонныхъ къ принятію единовѣрческаго священства, было незначительно въ сравненіи съ громаднымъ обществомъ, предводимымъ старшинами, но на сторонѣ ихъ была искренность убѣжденій въ истиннѣ и острое ея оружіе—здоровое слово. Уткинъ и Сыроѣдинъ почитались первѣйшими начетчиками въ обществѣ раскольниковъ и умѣли пользоваться своимъ вліяніемъ на умы народа. Въ ноябрѣ (1836 г.) эти предводители наклонныхъ къ благословенному священству подали на бумагѣ „братолюбное воззваніе“ къ старшинамъ троицкаго общества, составленное на основаніи старопечатныхъ книгъ (2). Въ этомъ возваніи между прочимъ, Уткинъ и Сыроѣдинъ выразались такъ: „ви

(1) «Только не знаю чего» прибавляетъ къ послѣднимъ словамъ Богатырева Уткинъ въ своихъ собственноручныхъ запискахъ. Прот. Пырѣв. записк. № 54.

(2) Воззваніе это относилось прямо къ старшинамъ и начиналось такъ: «почтеннѣйшимъ руководителямъ низнетагальскаго синотроицкаго общества». «По неминуемымъ обстоятельствамъ и состоящему между простодушными людьми волженію, отъ вашего, почтеннѣйшіе гг., руководительства, обращаемся единственно къ вамъ съ вопросомъ... Братолюбивое воззваніе, написанное цвѣтстыми слогами, было слишкомъ горько и ѣдко для самолюбія неправыхъ старшинъ. Прот. Пырѣв. записк. № 519.

просите священство по издавнымъ случайнѣо правилѣмъ въ 26 день марта 1822 года, зависящее отъ вѣдомства гражданскаго. Сіе было дозволено, ограничено на время. Справедливо ли вы поступали, когда священниковъ имѣли подъ зависимостію не у епископа? Конечно не оправдливо; но сію несправедливость нашу простодушный народъ считалъ и считаетъ за дѣло истинное во своему только недоразумѣнію. По вашему не душеиспасительно имѣть священниковъ, подвѣдомыхъ епископу. Если не душеиспасительно имѣть такихъ священниковъ, то болѣе не спасительно, или, по крайней мѣрѣ, не огорчая васъ, почестъ за равно имѣть священниковъ въ зависимости по дѣламъ духовнымъ суду гражданскому, въ совершенную противность апостольскаго заповѣданія и изложенныхъ на 7 вселенскихъ и 9 помѣстныхъ соборахъ правилъ. Ибо по правиламъ: *„когда священники поступаютъ въ вѣдомство гражданскаго начальства, когда за уголовное преступленіе съякоимъ будутъ лишены своего сана“*. Изъ сего вы ясно, если хотите, можете усмотрѣть, что священникъ, принявши отъ епископа хиротонію, не будетъ по его повелѣнію находиться при церкви, а поступить самовольно въ вѣдомство гражданское, то и власть хиротоніи, возложенной епископомъ, должна прекратиться. А посему завѣдываемые гражданскимъ начальствомъ священники не могутъ быть для насъ душеполезнѣе противъ поступающихъ по волѣ епископа, и сихъ послѣднихъ принятіе не должно считать погрѣшительнымъ, по примѣру благовѣстнаго Евангелія (Мате. зач. 23, Мар. зач. 41, Лук. зач. 48, или 47 и 49, Лук. зач. 40 и 65). На всѣ

это благоволите дать намъ правильный отвѣтъ, на основаніи св. Писанія“.

Отвѣтомъ на это воззваніе было молчаніе старшинъ и удаленіе отъ должности главщика (въ часовнѣ) Федота Сыроѣдина, котораго виѣтъ съ прочими клирошанами Иваномъ Хребтюковымъ и Ефремомъ Сыроѣдинымъ смѣнили. Эти люди, изъ робости за мѣсяцъ предъ тѣмъ отказавшіеся читать предложенныя книги на собраніи въ часовнѣ, 13 ч. октября, теперь заодно съ Федотомъ Сыроѣдинымъ, не обинуясь уже говорили, „что безъ священника, по правиламъ святыхъ. Отецъ обойтись никакъ не можно“, и что нужно принять въ часовню священника, „рукоположеннаго по старопечатному потребнику отъ архіепископа“. Но Анисимъ Костинъ, заявивъ предъ обществомъ жалобу на своеволие старшинъ, требовалъ возвратитъ смѣненныхъ къ прежнимъ ихъ должностямъ. Вслѣдствіе чего, чрезъ двѣ недѣли послѣ смѣны, Федотъ Сыроѣдинъ былъ возвращенъ на свою старую должность главщика (установщика) при часовнѣ троицкой. Впрочемъ протестъ Анисима Костина за Сыроѣдина не былъ бы уваженъ старшинами, если бы его не поддержало самое общество, въ которомъ болѣе и болѣе развивалась склонность къ принятію священника благословеннаго.

Заронивъ искру единовѣрія въ большое главное общество раскольниковъ троицкой часовни, миссія и неутомимый ея помощникъ, управляющій Вѣловъ, въ тоже время старались привить единовѣріе и къ другимъ обществамъ раскольниковъ. Примѣръ Костина, Уткина и другихъ изъ троицкаго общества нашель по-

дражателей и въ окрестностяхъ нижнетагильскаго завода. Спутниками на стези къ единовѣрiю явились въ 1837 г. Козма Пет. Полетаевъ, старшина черноисточинскаго общества, и Никита Севаст. Сиротинъ, главный изъ старшинъ вогульского общества, состоявшаго при вѣйскомъ заводѣ. Но такъ какъ вниманiе всѣхъ обществъ окрестныхъ было устремлено собственно на троицкую часовню; то и нельзя было еще ожидать въ этихъ обществахъ никакихъ важныхъ послѣдствiй въ пользу единовѣрiя.

Ожидая отъ архiепископа Аркадiя отвѣта относительно трехъ пунктовъ митрополита Платона, Уткинъ и его единомысленники еще не заявили своего согласiя на принятiя единовѣрiя. Наконецъ ожидаемое рѣшенiе о пунктахъ тѣхъ послѣдовало. Архiепископъ Аркадiй послалъ краснорѣчивое увлекательное письмо къ управляющему Бѣлову, убѣждая склонныхъ къ единовѣрiю принять оное безусловно, безъ всякихъ ограниченiй, на извѣстныхъ общихъ правилахъ митрополита Платона. Около этой же поры преосвящ. Евлампiй, епископъ екатеринбургскiй, прислалъ къ нижнетагильцамъ воззванiе о соединенiи съ святою Церковiю. Воззванiе это, прочитанное раскольникамъ нижнетагильскимъ протоiереемъ Кирилловымъ (¹), подѣйствовало на

(¹) Нижнетагильскiй православный протоiерей Михаилъ Кирилловъ былъ очень умный и дѣятельный сотрудникъ миссiонера Оглоблина. Архiепископъ Аркадiй въ концѣ 1837 г. посылалъ его въ Москву для разсмотрѣнiя въ патриаршей ризницѣ разныхъ древностей, обличающихъ расколъ. Въ 1838 г. о. Кирилловъ возвратился оттуда и привезъ съ собою много списковъ, которыми обличается самовольное отпаденiе раскольниковъ отъ православной Церкви. Прот. Шыршев. записк. № 146.

Уткина и его единомыслениковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Самъ Уткинъ часто рассказывалъ, что задушевный голосъ владыки Евлампія выжималъ у него слезы умиленія и окончательно утвердилъ его въ желаніи соединиться съ святою Церковію.

(продолженіе будетъ)